

ОТЗЫВ

На кандидатскую диссертацию

Олеси Олеговны Лисовой «Информационная структура автобиографического нарратива (на материале повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой»). Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация О.О. Лисовой уникальна по своему исследовательскому хронотопу. Известно, что такие научные работы пишутся в рамках пребывания в аспирантуре и обычно их написание длится не менее 3-4 лет. Диссертантка же преодолела эту хронологическую планку всего за неполных 2 года, ибо повесть А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» была издана в 2022 году. Создание повести и ее исследовательской интерпретации, как видим, почти совпали по времени. Скажу сразу: буквовед от Филологии мог бы увидеть в этом некоторую скороспелость научного поиска и ускоренное выдвижение на защиту его результатов. Но, хорошо зная проницательность и научную дальновидность руководителя О.О. Лисовой, профессора Киры Анатольевны Роговой, вижу в этом феномене знамение столь требуемой для защиты **актуальности** и **новизны**. А упреков в скороспелости это исследование не выдерживает именно потому, что его теоретическая основа складывалась еще до рождения исследуемого текста и в какой-то мере предвосхищала его.

Основательная теоретическая глава (сс. 16–58) – этому бесспорное доказательство, ибо обширные познания, лапидарно, обоснованно и аналитически изложенные здесь О.О. Лисовой потребовали (судя по моему опыту) как минимум пятилетней работы. Антропоцентрический подход, нарративный дискурс и его когнитивный потенциал, взаимодействие текста и дискурса, автобиографический нарратив, дифференциация композиционно-тематических линий – вот круг вопросов, которые, (пользуясь любимой цитатой диссертантки из работы В.И. Карасика – с. 18) подобны «кругам Эйлера, т.е. входящим друг в друга концентрическим окружностям». Диссертантка движется уверенно по этому кругу, приближая пятилетку изучения теории к двухлетке издания избранной повести.

Повесть А. Н. Архангельского "Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой" избрана как нельзя удачно. Она отражает дух эпохи и движения наших стран к взаимопониманию, несмотря на все преграды и пережитые трагедии. Русская китаянка Инна Ли, дочь сооснователя китайской компартии и дворянки из рода Кишкиных, связала волею судеб свою жизнь с двумя странами, двумя языками, двумя культурами, вкусила детские годы в сталинском СССР, юность в маоистском Китае, «культурную революцию», тюрьму, перевоспитание в китайской деревне, реформы и – конечно же – последствия нашей перестройки... Для нас, читателей моего довоенного поколения, все эти социальные мутации близки и понятны, хотя мы не рождены в Китае, а только преподаем китайским студентам русский язык. «Эпоха перемен» и у нас, говоря языком классика, «ударил одним концом по барину, другим – по мужику». И потому биографическая ретроспектива полу-русской, полу-китайки не просто интересна, но и поучительна. Поучительна и для тех, кто, как мы, связан теперь с Китаем «ковкой» для этой дружественной страны русистских кадров высшей квалификации (в скобках, как председатель совета, замечу: аспирантов из Китая у нас на филологическом факультете защищается в разы больше, чем из России, и в этом я также вижу положительную сторону исследования О.О. Лисовой.)

Структура этого исследования логична и последовательна. После 1-й теоретической главы, научный диапазон которой я уже обозначил, следует 2-я – «Особенности речевой репрезентации композиционно-тематических линий в информационной структуре автобиографического нарратива» (с. 59-109). Здесь ставится последовательный лингвистический анализ трех таких линий: личной, семейной и социально-исторической. Подчеркивая их диалектическое взаимодействие, диссертантка тонко нащупывает и их различия, эксплицированные и имплицитные в тексте повести. 3-я глава – «Взаимодействие элементов информационной структуры нарратива» (с. 110-136) посвящена процессам мены композиционно-тематических линий, их совмещению и роли (оцениваемой по праву очень высоко) фигуры комментатора в организации информационной структуры нарратива.

В процессе анализа диссертантка убедительно показывает и доказывает, что автобиографический нарратив является оптимальным для изучения особенностей взаимодействия «индивидуальной», «семейной» и «коллективной памяти», открывая путь как к ценностной сфере человека, так и к особенностям его интерпретации событий и времени. Тем самым она достигает главной цели своего труда – представить анализ информационной структуры автобиографического нарратива, опирающийся на типологию композиционно-тематических единиц, особенности их речевой репрезентации и текстового взаимодействия, решая связанные с этой целью задачи, кстати сказать, хорошо сформулированные (с. 9-10).

Нельзя не признать убедительными и все 5 положений, выдвинутых самой О.О. Лисовой на защиту (с. 13-15). Трудно не согласиться, например, с тезисом (и выдвинутой автором гипотезой, ставшей исходным пунктом всей работы), что композиционно-тематическая линия текста является единицей анализа информационной структуры, поскольку она является речевой репрезентацией одного из видов автобиографической памяти. Убеждает и предложение принципиально развести изучение внутренней и внешней композиции текста, что соответствует особенностям анализируемого текста.

Особо оригинальным и перспективным представляется тезис о взаимодействии композиционно-тематических линий, которое прослеживается через их **мену или совмещение**. «Мена и совмещение обнаруживают разные способы взаимодействия коммуникативных регистров и функционирования грамматических средств», справедливо подчеркивает О.О. Лисова (с. 14). Убедительна и гипотеза о связке «композиционно-тематической линии» и «коммуникативного регистра» которая позволяет не просто рассмотреть особенности представления информации языковой личностью, но и выявить тактики и стратегии текста, используемые как самим говорящим, так и автором текста. Тем самым аргументировано доказан главный вывод исследования: «...предложенная в работе модель дискурсивного анализа позволяет рассматривать автобиографический текст со сложной субъектной организацией как при изучении информационной структуры, так и при анализе композиции» (с. 141).

Обращу внимание и на некоторые другие достоинства рецензируемого труда. Одно из них – диалектичность в трактовке сопоставления внешней и внутренней композиции, при котором, по мысли диссертантки, «проявляется важная тактика текста – оппозиция статики и динамики: проживание стремительно меняющихся событий, умение встраиваться в этот поток, при этом сохраняя способность замечать детали, воспринимать и чувствовать, внутренне переживать, не давая категоричных оценок». Более того – в этой оппозиции «видится один из возможных ответов на вопрос о том, что делает счастливым человека на фоне любых трагедий истории» (с. 140-142). И это – не пустые слова, ибо за этим следуют философские и лингвокультурологические размышления о важнейшем для всех нас концепте – русском и китайском Счастье.

В финальном эпизоде повести Инна рассуждает о понимании счастья в китайской и русской культурах. Различие в понимании «счастья», по мнению героини-рассказчицы, таково: «в русской культуре оно отчасти связано с идеей страдания, в то время как у китайцев есть культ счастья, материального и духовного». При этом диссертантка тонко подмечает не абсолютность такого понимания Счастья в ментальности наших народов, допуская его субъективность, навеянную судьбой героини (с. 140-142). Каждый русский, кто однажды страдал, наверное, с такой релятивизацией этого концепта согласится.

Верен и вывод о том, что речь героини-рассказчицы как субъекта-комментатора оформлена средствами информативного регистра, то-есть направлена в первую очередь на информирование адресата, передачу собственных знаний, восполнение знаний адресата, при этом не только в социально-исторической линии, но и в личной и семейной: (с. 129). С этим связаны и наблюдения о «маркерах времени» (типа «до отъезда в Россию», «несколькими часами ранее», «Андропов успел воцариться»), которые, по мысли диссертантки, «соотносят информацию, вводимую вставной конструкцией, с другим событием в прошлом – таким образом, фигура комментатора помогает выстраивать сложную временную систему нарратива» (с. 130).

Оригинальны и отдельные меткие замечания при интерпретации избранного текста – например, о «забегании героини вперед по временной шкале», с одной стороны, а с другой – смене событий ее жизни и впечатлений из точки «я в прошлом» (с. 126 и 112-113).

Как видим, исследование О.О. Лисовой, предлагающее современное решение актуальных проблем лингвистики текста, теоретически и практически значимо и перспективно для дальнейшего развития этой научной дисциплины. Оно соответствует всем требованиям основательной кандидатской диссертации.

Обязанность члена совета требует и формулировки некоторых дискуссионных моментов. Их у меня немного. И они прежде всего касаются недостаточного охвата лексико-фразеологического материала при анализе языка повести.

1. «В исследовании особое внимание уделено *изучению роли языковых средств*, – пишет диссертантка. И далее: (в частности, настоящего исторического времени глагола, разных типов односоставных и двусоставных предложений, вставных конструкций и вводных слов), участвующих в формировании композиционных единиц» (с. 10). Именно из таких единиц строится ею «композиционно-тематическая линия», поскольку «она является речевой репрезентацией одного из видов автобиографической памяти, характеризуется единством в выборе тем и действующих лиц и обнаруживает при их описании общие закономерности (правила) использования **лексико-грамматических средств** (с. 13). И в других местах исследования подчеркивается, что «оценка героини выражается не только вводными словами, восклицательными предложениями, вставными конструкциями, но и через предложения со сравнительными и пояснительными союзами, а также на когнитивном уровне сопоставления как двух стран, так и жизни в этих странах «до и после» важных социальных изменений» (с. 126).

Читая рецензируемый труд, мы действительно видим основательный анализ предложенных языковых уровней. Но – в основном именно грамматических и синтаксических. И как оппонент-лексиколог и фразеолог, я хочу спросить: а где же в исследовании это заявленное **лексико-**? Не говоря уже о **фразео-**. К сожалению, специального анализа лексики и фразеологии избранного текста мы не находим.

Подчеркну: общей идее исследования могло бы способствовать большее внимание к лексико-фразеологическим особенностям избранного диссертанткой текста. Ведь именно за ними стоит картина мира автора и избирательность его (или её, ибо писатель пересказывает язык своей автобиографической героини) соответствующих

языковых средств. И они о многом говорят, создавая лексико-фразеологический портрет героини, характеризуя ее социальный статус и жизненные ориентиры. Вот несколько примеров такого рода.

Лексических:

«и *вылезли* на маленькой станции, в Балашове... На автобусе по степным *колдобинам* добрались до ближайшей от Студёнки станции» (с. 50)..

Идет старьевщик, стучит *колотушкой*, кричит. (с. 60).

И *табуреточки*, которых не хватало, так что я предпочитала сидеть на кровати» я заявила в посольство духовной *безбытностью* (с. 55).

Плюс *безопасник* сообщает, что группка ребят, выходцев из военных семей, задумала обокрасть наш лингафонный кабинет (с. 70).

Фразеологических:

И вот первая русская станция, крошечный полузаброшенный поселок *ни души*, пусто, почтовое отделение закрыто» (с. 53)

А внизу все заполнено народом, *голова к голове* (с. 63).

Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, *до поры до времени* соратником Мао Цзэдуна (с. 80).

... *на излёте* (с. 118), *задним числом* (с. 129), *как корабль в бурю* (с. 117), *как будто воздух выкачали* (с. 121), *пальмовая ветвь* (с. 116).

Нередко именно органическое сочетание лексем и фразем в тексте создает представление о внутреннем мире героини и непростой эпохе, в которой ей приходится жить:

«Человек не может балансировать *на грани* между бездуховным накопительством и духовной безбытностью» (с. 55).

Справедливости ради надо сказать, что иногда в исследовании всплывают отдельные фразеологизмы в виде «вводных слова»: «Одним из языковых маркёров зоны наблюдателя являются вводные слова, выражающие эмоциональную оценку говорящего: «Мне подобного пережить не довелось, *слава богу*» (с. 87); «В общем, проскользнули... Добежала, не добежала? *К счастью*, она добралась даже раньше меня» (с. 85); «Но все равно с весны 1967 года у нас дома постоянно проходили обыски – *к счастью*, в мое отсутствие» (с. 107).

2. Как представляется, учитывая двуязычие главной героини, можно было в работе обратить особое внимание на лексемы-маркеры китайской лингвокультуры. Пока мне удалось найти лишь 2 удачных примеров такого рода.

Первый – на сс. 128-129, где сама героиня-рассказчица комментирует такое явление китайского быта как *кан* и при этом ищет аналогию в русской культуре, тем самым предвосхищая возможные трудности в понимании своего рассказа: «В крестьянских домах был *кан*; в русском языке есть такое заимствованное слово: на Севере так называли что-то вроде огромной лежанки, под которую заводили дымоход для обогрева. Он полкомнаты занимал, этот *кан*. Ночью люди на нем спали, а днем складывали одеяла, ставили на *кан* маленький столик и за ним ели. Сидеть нужно было, сняв обувь и поджав ноги» (с. 61).

Второй – на с. 125, где комментируется слово *хунвейбины*, которое «в тогдашних советских газетах сначала переводили как “красные охранники”. На самом деле слово связано с понятием “красногвардеец”: в 1920-е годы в Китае тоже были отряды красногвардейцев, но, видимо, в России не захотели поддерживать такую революционную коннотацию».

Не помешал бы и развернутый комментарий фразеологизма (resp. перифразы) *дипломатия пинг-понга* (с. 113), ибо «маркерности» в нем не меньше, чем в названных лексемах. Подборка подобных лексических и фразеологических маркеров еще больше

усилила бы лингвокультурологический потенциал в интерпретации информационной структуре автобиографического нарратива.

Исследование О.О. Лисовой написано четким, образцово русским языком и лишь взыскующий читатель найдет «блошинные» погрешности в виде аллитераций вроде «типы организации информации» (с. 3, 44, 135) или «для презентации наррации» (с. 25). Они, вероятно, инспирированы увлеченностью диссертантки высоконаучной современной терминологией.

Как видим, высказанные замечания нисколько не снижают общего положительного впечатления от диссертационного труда О.О. Лисовой,

. Оно стало существенным вкладом в изучение лингвистики текста, раскрыв значимые особенности информационной структуры автобиографического нарратива на примере избранного текста. Как сам анализируемый текст, так и его диссертационный анализ злободневны и вписываются в палитру актуальных филологических проблем.

Диссертация О.О. Лисовой «Информационная структура автобиографического нарратива (на материале повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой») соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель О.О. Лисова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

В.М. Мокиенко

Председатель диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры славянской филологии
Санкт-Петербургского
государственного университета